

Отблески Армагеддона

Разогретый солнцем асфальт прекрасен, если ты кошка и дремлешь после обеда, вытянув лапы и блаженно закрыв глаза. Но совсем другое дело, если ты летишь на него, сбивая колени, и едва успеваешь в последний момент извернуться так, чтобы не приложиться щекой. И ещё обиднее, когда сопровождают падение свист и улюлюканье, а магическое лассо незаметно, но сильно сжимает твои ноги.

– И это всё? Вариация «Удавки убийцы» для пятилеток – это всё, на что ты способна?! – Алекса рассмеялась. Ей нужно было потянуть время, чтобы ослабить заклинание. Одна из главных ошибок многих людей – болтливость. Она сама ни за что не стала бы тратить время на пустую болтовню и никчёмные оскорбления, но в боевых условиях уместна любая хитрость. – Для этого вы с папочкой и сидите на магической жиле?

– Конечно. А ещё для того, чтобы показывать всяким помоечным крысам, кто здесь истинный хозяин жизни, – ухмыльнулась Розин и, пользуясь

К
Э
М
Р
И
Н
К
Е
Й

преимуществом, уже не прибегая к магии, пнула поверженную противницу в живот. Она явно праздновала свою победу. – Кстати, про крыс...

Алекса и сама почувствовала резь в области груди, значительно превосходящую боль от удара в живот, и, даже не оглядываясь, знала, что происходит: придавленная лапой пушистой крупной кошки, компаньонки Розин, Радуга тихо пискнула, подтверждая плачевное положение.

Да, битва вышла так себе, но сдаваться Алекса уж точно не собиралась: не в её правилах. Розин и её компания прихлебателей обойдутся без такого удовольствия. К тому же в рукаве у неё была припрятана пара сюрпризов.

– Ну что теперь скажешь, пугало? – Розин торжествующе рассмеялась. – Станешь просить прощения? Или мы раздавим твою крысу, а потом и тебя саму?

Алекса скосила взгляд на длинные ноги в вызывающих ярко-розовых гольфах. Розин возвышалась над ней, словно жердь. Дочка мэра, звезда школы. Как и положено, гламурная, с длинными светлыми волосами, наверняка тоже уложенными с помощью магии, иначе они не смотрелись бы такими гладкими и идеальными. Настоящая кукла, насквозь искусственная и лживая, как и её лицемер-папаша. Если лучшие люди их города именно такие, можно только гордиться тем, что считаешься отребьем и изгоем. За Розин стеной стояли её приспешники. Обычные шакалы, которых Алекса знала вот уже шестнадцать лет –

в общем, с самого своего рождения, ведь в их небольшом городке друг друга знали все. Ещё лет в пять Розин собрала вокруг себя целую коалицию, которой можно было помыкать в своё удовольствие и к которой Алекса никогда не принадлежала и скорее бы откусила собственный язык, чем начала подпевать избалованной дочке мэра. Сейчас шакалы только молча наблюдали, но стоит их лидеру сказать «ату», и они бросятся всем скопом. Уж это Алекса прекрасно знала – проходили уже, причём не раз. Но, конечно, судьба чёрной каракулевой крысы волновала её гораздо больше, чем собственное положение.

– Пожалуйста, не трогай Радугу! – воскликнула она, украдкой складывая пальцы правой руки в призывающий жест. – Только не Радуга! – Кажется, с драматизмом вышел перебор, но пафосные дуры такие легковерные, что обманывать их даже как-то неинтересно. Лицо Розин засияло от удовольствия, и в этот момент Алекса прошептала завершающие слова формулы заклинания, выпуская призыв. Слабенькая магия, но всё зависит от того, как применять.

– Что это? – Розин с удивлением уставилась на руку, на которую плавно спланировал небольшой паучок, и тут же на неё обрушился целый рой всевозможных насекомых. Жуки, пауки, жирные жужжащие мухи – тысячи крохотных существ. В общем-то даже безобидных, но дочка мэра истошно завизжала и принялась нелепо махать руками. – Какая гадость! А-а-а-а!

К
А
Р
М
А

М
А
Г
А

К
Э
М
Р
И
Н

Прекрасный, кстати, визг на ультразвуковой ноте. Алексе понравилось. Она даже пожалела, что не успела подготовить записывающие артефакты и лишила себя удовольствия слушать это перед сном каждый вечер. Ах, какие прекрасные сны приходили бы после такого!..

К
Е
Й

– Боже, я проглотила муху! Фу, какая гадость! – продолжала вопить Розин, судорожно отплёвываясь и размахивая руками.

Меньше бы открывала рот – такого бы не случилось, кстати. Но Алекса не жаловалась. Всё это звучало для неё лучше дивной музыки.

Пока противница была занята, Алекса окончательно скинула уже совсем ослабевшую магическую петлю, а Радуга в это время вывернулась и больно цапнула за нос противную кошку, завизжавшую почти не хуже хозяйки. Свора приспешников Розин придвинулась, готовая к нападению, а кто-то наконец сообразил и струёй магического ветра сдул насекомых с мэрской дочери... Интересно, слова «мэрская» и «мерзкая» случайно так похожи? Вряд ли.

– Ах ты гадина! Ну я тебе сейчас устрою! – В руках Розин набух искрящийся огненный шар. У неё уже год как определилось основное направление дарования, и, разумеется, это оказалась огненная магия – самая мощная и редкая. Недаром мэр буквально сидит на Разломе и черпает энергию в огромных количествах. Шар размером с кокосовый орех переливался огненными оттенками, яростно пыхал искорками и выгля-

дел весьма впечатляюще. Разумеется, использование такой магии было регламентировано и недопустимо для учеников старшей школы, однако можно даже не сомневаться, что в данном случае закон сделает небольшое допущение и, если даже Розин запульнет этим шаром в Алексу, все свидетели дружно скажут какую-то чушь вроде того, что у той случилось самопроизвольное возгорание. Самое время паниковать.

Или не паниковать, а прибегнуть к тому самому секретному козырю. Она мельком взглянула на похожий на красного жука-пожарника автомобиль Розин, припаркованный на другой стороне улицы. «Ferrari 250 GTO» отчего-то считают одной из лучших и самых дорогих машин в мире. Розин обожала свой автомобиль и не раз проносилась по улицам городка с такой бешеной скоростью, что оставалось только удивляться, как до сих пор обошлось без жертв.

– Любишь погорячее? – Алекса мило улыбнулась, глядя в глаза противнице, а вовсе не на угрожающий огненный шар, а потом медленно подняла руки и хлопнула в ладоши.

От мощного взрыва заложило уши, а в воздух взлетели алые части автомобиля, как нельзя лучше гармонирующие с цветом пламени.

Прихвостни Розин завизжали и кинулись врассыпную. Совсем неподалеку от двух неподвижно замерших друг напротив друга девушек с отвратительным скрежетом шлепнулся покорёженный бампер. Из-за чёрного дыма, идущего от

К
А
Р
М
А

М
А
Г
А

К
Э
М
Р
И
Н
К
Е
Й

остатков автомобиля, было трудно дышать, но Алекса с наслаждением вдохнула запах гари. Это был аромат победы. И никакой магии, заметим, просто взрывающаяся лягушка из маминого магазина, которую Алекса ещё с утра, предчувствуя неприятности, настроила на хлопок и приладила под бензобак. Самые простые способы всегда самые верные.

– Моя машина!.. – Огненный шар бессильно стёк с опустившихся рук Розин, оставив ещё один чёрный след на асфальте. А сегодня было и вправду горячо.

Но это ещё не всё. С последними звуками взрыва в воздухе расцвёл фейерверк, образующий надпись: «РОЗИН – НЕУДАЧНИЦА». Это было уже совсем легко – не зря в мамыны обязанности входило ежегодное украшение и иллюминация улиц на Рождество и на День города.

Вот теперь картинка оказалась идеальной.

– Радуга! – позвала Алекса и наклонилась, подставляя руку. Черная каракулевая крыса ловко скользнула по ней, привычно устроилась на плече, и они, не дожидаясь восторженных оваций, которых могло не последовать, направились прочь, в сторону дома, миновав замершую свору шакалов, не посмеявших даже пикнуть и только поспешивших убраться с дороги.

– Она чокнутая! Я её убью! – бормотала оставшаяся где-то позади Розин.

День определённо выдался удачным.

***

Сквозь пыльные стёкла с трудом проникал солнечный свет, стыдливо скользя по унылым деревянным полкам, заставленным всякими магическими безделицами: корзинами со всевозможными корешками, ящиками со стеклянными шариками, ещё не напитанными энергией, амулетами всякой степени проработки и готовности, грудами белых и чёрных перьев, безликими колодами карт, изрядно потрёпанными книгами. Обычный магический магазинчик, со всей очевидностью не преуспевающий, да к тому же стоящий фактически на задворках, в самом непрестижном районе Колмара. Этот магазинчик Алекса знала до последней пылинки, до последнего паучка, обосновавшегося в углу. Паучка, кстати, звали Ланселот, и на спинке у него можно было разглядеть серый крестик, похожий на рыцарский, за который паук и получил своё имя. Алекса знала тут всё и могла бы найти любую вещь с завязанными глазами, но сейчас делала вид, будто старательно разыскивает заговорённые на удачу броши. Что угодно, лишь бы не встречаться с матерью глазами, не видеть её бегающий потерянный взгляд. Алекса и так прекрасно представляла бледное, точно пыльное лицо Делии, всё ещё красивое, но какое-то угасшее, полное безнадёжности. У матери словно на лбу было написано: «Я не жду ничего хорошего», – и это ужасно раздражало, как и её манера за всё извиняться – Алекса насмотрелась этого за всю свою жизнь так, что тошнило.

К
А
Р
М
А

М
А
Г
А

К
Э
М
Р
И
Н

– Ну пойми, так нельзя, – беспомощно проговорила Делия. И не глядя на мать, Алекса знала, что та сжимает руки. – Зачем ты опять затеяла это с Розин?

К
Е
Й

Алекса молчала. Бесплезно объяснять, что у неё просто не было выбора. Школьный класс – это как бассейн с пираньями: тебя сожрут, стоит только позволить. Хватит с неё и того, что с её семьёй и так не считаются, а поэтому приходится давать отпор. Каждый раз, с самой младшей школы. Когда ей и Розин было по пять, Розин решила взять Алексу под своё покровительство: «Ты будешь моей служанкой, и я стану защищать тебя», – предложила она, должно быть, считая, что оказывает этим честь. Алекса тогда просто макнула дочку мэра головой в лужу, соизволив даже объясниться, что прислуживает – помогает госпоже вымыться. Ну и писка тогда было!.. Она припоминала, что их магазинчик удостоился в те дни посещения самого великого и могучего – блистательного мэра города, который велел этой замарашке, как он назвал Алексу, держаться подальше от его принцессы-дочери. Алексу это вполне устраивало, поэтому она даже не стала спорить, что замарашкой после купания в луже выглядела вовсе не она. Всё бы хорошо, но началась школа... Школа была в Колмаре всего одна, и держаться от Розин подальше при всём желании оказалось невозможно, к тому же Розин всё время сама нарывалась. Ну не живётся человеку спокойно – и что тут можно сделать?

А жажда приключений, между прочим, весьма нередко приводит к неприятностям.

– Алекса, ты вообще меня слушаешь? – спросила мать, и тут громко тренькнул и запульсировал шар связи. Вообще-то у самых успешных семей города давным-давно были в ходу привезённые из большого мира мобильные телефоны, но стоили они достаточно дорого, поэтому их семья обходилось магическими шарами, что, кстати, лишний раз служило поводом для насмешек одноклассников. Как-то мама купила ей дешёвенький аппарат, но Алекса предпочла случайно разбить его об пол, а не показывать одноклассникам. Да и вообще, зачем ей смартфон? С Радугой она прекрасно разговаривала без него, а больше ни с кем ей общаться и не хотелось. Из всей техники в их доме был только старенький компьютер, оставшийся ещё со времен маминой молодости, причём работал он действительно отчасти на чуде и нескольких поддерживающих амулетах.

Делия со вздохом повернулась к шару, уже загоревшемуся молочно-белым. Оттуда, будто из стакана с молоком, всплыло слегка искажённое лицо директрисы. Не настолько искажённое, чтобы не заметить, что Нора Горго, называемая школьниками попросту Горгоной, пребывает в абсолютной ярости. Её седые, но ещё сохранившие яркие всплески рыжины волосы стояли дыбом, тонкие губы кривились, а глаза цвета незрелого крыжовника метали молнии. Мож-

К
А
Р
М
А

М
А
Г
А

К
Э
М
Р
И
Н

но было не делать расклад на таро, чтобы понять, что послужило причиной этой ярости. Все в этом городке плясали под одну дудку.

– Немедленно ко мне! – по-змеиному прошипела директриса, яростно сверкая глазами, и шар погас.

К
Е
Й

Делия тихо вздохнула. Она сама училась в школе в то время, когда Нора только заняла пост директора, и до сих пор робела и трепетала перед ней, словно нашкодившая ученица.

– Вот видишь, что ты наделала, – снова обратилась Делия к дочери. – Почему ты каждый раз втягиваешь нас в неприятности? Почему ты такая, как твой отец?!

Это был уже запрещённый удар. Сама Алекса отца никогда не видела, но не слышала о нём ни единого хорошего слова ни от матери, ни от кого-либо из соседей. «Бродяга, лишённый хоть каких-либо магических способностей... Раздолбай, музыкантишка какой-то... Появился, заделал Делии ребёнка – и свинтил в закат», – говорили о нём. К ним иногда, проездом, попадали люди из большого мира, разумеется, не понимающие, куда именно попали, видели небогатый захолустный городок, пыльный, серый и скучный, – и уезжали. Не было даже необходимости ставить непроницаемые завесы: отдалённое положение города, его общая непримечательность и излучение магии, воспринимаемое обычными людьми как тяжёлая атмосфера, от которой болела голова и слезились глаза, защищали лучше знаменитого Седьмого

покрывала – лучшего из скрывающих заклятий. Вот отец Алексы тоже забрёл, каким-то чудом на некоторое время задержался в городе, переспал с Делией и отчалил, даже не представляя, что сломал жизнь не только случайной любовнице, но и собственной дочери, о которой, понятно, не подозревал. Так что ко всему она ещё не обладает чистотой крови. Вероятно, именно благодаря этой человеческой примеси дар Алексы полностью не раскрылся к шестнадцати годам. Ей более-менее удавались небольшие заклинания, однако ни одна стихия не признавала её, хотя все в классе уже определились со своей основной рабочей стихией. «У её матери невеликий дар, а из-за человеческой крови девочка и вовсе слабая, неспособная», – слышала как-то Алекса разговор Горгоны с одним из преподавателей. Именно тогда она и поклялась себе, что всё равно будет учиться и ещё докажет всем, что представляет собой гораздо больше, чем считают взрослые.

Пока мама выслушивала разнос Горгоны, Алекса, чтобы занять себя чем-то, взялась наводить порядок на полке с артефактами. Броши она всё-таки вынужденно нашла и переставила сантиметров на пять левее. Радуга сидела тут же, периодически чихая и возмущённо чистя чёрную курчавую шерстку. Алекса чётко ощущала настроение своей компаньонки, которая обижалась, что никто не оценил по достоинству их блистательную победу. Пришлось почесать у крысы за ухом, чтобы слегка её утешить.

К
А
Р
М
А

М
А
Г
А

К
Э
М
Р
И
Н

– Мы молодцы и со всем разберёмся, – пообещала Алекса довольно зажмурившейся Радуге. – Всё равно мы с тобой не могли поступить иначе – этих зарвавшихся дураков нужно было проучить. Если разрешишь кусать себя за пальцы, не удивляйся, когда откусят всю твою руку.

К
Е
Й

Крыса ткнулась носом в её ладонь, явно выражая согласие, и Алексе стало немного легче. Нет, она прекрасно понимала, что неприятности не закончились, они только начинаются. В городе вообще было не так много дорогих вещей из большого мира, поскольку используемых в большом мире денег тоже имелось не то чтобы в изобилии, а машины мэра и его дочки являлись по меркам города настоящей роскошью. Но Алекса ни о чём не жалела. Она достаточно насмотрелась на мать и вовсе не собиралась идти её путём. Знать бы ещё, каким путём идти нужно.

В это время свеча, стоящая на подсвечнике перед ней, вдруг вспыхнула, и из пламени возникло весьма знакомое лицо.

– Что, доигралась?! – проговорила огненная Розин. – Знай, что мой отец этого дела так не оставит, и мы ещё посмотрим, кто...

Алекса пальцами загасила огонь, испытывая при этом явное удовлетворение. Если бы со всеми врагами было так легко справиться! Всё-таки Розин не слишком умна, даже обидно. Лучшая война – война с достойным противником. Чем умнее противник, тем интереснее, а тут даже го-

ворить не о чем – дочь мэра решила её попугать, но забыла о том, что для того, чтобы запугивание сработало, обе стороны должны быть к этому готовы. Это нелепое противостояние уже начинало навевать скуку, и Радуга вполне разделяла мнение хозяйки. В общем, Розин можно в расчёт не принимать, тем более у неё недостаточно ни сил, ни ума, чтобы сделать что-то масштабное, а с мелкими пакостями Алекса как-нибудь разберётся. Гораздо, гораздо хуже её отец. Вот в его способности причинить вред девушка не сомневалась.

К
А
Р
М
А

М
А
Г
А

Вернулась Делия из школы совсем бледная. Только взглянув в лицо матери, Алекса поняла, что дело обстоит хуже, чем она могла предположить.

– Тебя исключают из школы, – проговорила мать едва слышно.

– Что?! – Алекса встала, а Радуга поднялась на задние лапки, взволнованно поводя чутким носом.

– Горгона... То есть Нора сказала, что не оставит тебя в классе, – повторила Делия. – Я пойду сегодня к мэру...

Исключение из школы было равносильно приговору, особенно для девочки с так и не раскрывшимися способностями. Это был билет в один конец, отправлявший в низший класс, занимающийся обслуживанием нужд города. Слуги, чистильщики, уборщики как раз получались из неспособных магов и занимали

К
Э
М
Р
Ц
Н

К
Е
Й

низшую ступень иерархической лестницы без всякой возможности как-либо исправить положение. Можно было, конечно, уехать в большой мир, но жить там, вдали от Разлома – источника силы – для мага тяжело, почти невыносимо. Там слабеют самые могущественные артефакты, там даже у самых сильных магов остаются лишь крупницы их возможностей. Это был конец. Но в то же время представить мать унижающейся перед вальяжным, надменно-снисходительным мэром было ещё хуже. Тем более, что, без сомнения, об этом завтра же станет известно всему городку и вызовет новую волну смеха и издевательств... на которые нельзя не ответить. Но Алекса, разумеется, ответит, что опять же аннулирует все мамины усилия.

– Не надо. – Алекса погладила Радугу по напрягшейся спине. Фамильяр прекрасно чувствовал эмоции хозяйки. – Это бесполезно и ни к чему хорошему не приведёт.

– Как? – Делия бессильно опустила на старый деревянный стул, заскрипевший так жалобно, словно его мучили.

– Я должна подумать. – Алекса повернулась, чтобы выйти из магазинчика и подняться на второй этаж, где находились жилые помещения и, собственно, её комната, но остановилась и, оглянувшись на мать, спросила: – А ты хотя бы любила... моего отца?

– Любила, – ответила та после паузы. – Он был так не похож на всех, кого я видела прежде.

